

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ «ОБУЧАЮЩЕГОСЯ РЕГИОНА»

Анализируются дискуссионные вопросы концепции «обучающегося региона». Концепция «обучающегося региона» тематизируется в контексте «новой экономической географии» («экономики знаний»), а именно таких эволюционных стратегий регионального развития, как промышленные округа, экономические кластеры, инновационные среды и сети. В статье представлен сравнительный анализ и критика данных программ, выявлены их проблемные моменты.

Ключевые слова: общество знания; обучающийся регион; экономика знания; образовательный процесс; философия образования.

Актуализация интереса к проблемам «обучающегося региона» в современном социогуманитарном дискурсе связана с переходом от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. Главным источником и ресурсом развития выступает уже не промышленность, как это было в индустриальную эпоху, а знания и инновации, которые оказывают решающее влияние на все сферы человеческой жизни, что позволяет говорить о возникновении нового типа социальности – «общества знания» – и нового типа экономики – «экономики знания». Знание и способность к обучению становятся необходимым условием существования и фактором конкурентоспособности в «экономике знания». Определяющими тенденциями развития «общества знания» являются, с одной стороны, глобализация, выражающаяся в унификации культурных, социально-экономических, правовых норм и ценностей, мобильности рынка труда и капитала, с другой стороны, индивидуализация, которая, напротив, предполагает стремление к сохранению своей автономии (экономической, политической, религиозной и т.п.) и культурной идентичности как на уровне отдельной личности, так и на уровне регионов и национальных государств. В этой ситуации ключевой темой становится вопрос о стратегиях регионального развития, которые позволят региону эффективным образом вписаться в контекст глобального мира и стать реальным субъектом экономического, политического и культурного действия.

Возрастающее значение знаний и инноваций в эпоху информационных и коммуникационных технологий нашло свое выражение и в области теории экономического развития. В этом отношении большое значение имеют теоретические подходы, которые рассматривают сети, обучающиеся регионы, кластеры и промышленные области как региональные инновационные модели, в основе которых лежит идея пространственной дифференциации: именно пространственная близость выступает основой агломерации и важным фактором экономического развития. Пространственное измерение экономики становится центральным фокусом современных социально-экономических исследований, идея локальной детерминированности социально-экономических процессов явно тематизирована в работах П. Кругмана, с именем которого главным образом связывают возникновение новой экономической географии [1].

Выделенные в рамках новой экономической географии модели инновационного регионального разви-

тия делят на две группы: модели, в основе которых лежит идея сетей как новой формы организации производства, и модели, основанные на идее знания как исходного ресурса развития. Конститутивной идеей для моделей первого типа является идея близости. Пространственная и социальная близость между субъектами действия способствует более интенсивному обмену знаниями и предстает как необходимое условие инновационных процессов. К моделям первого типа относят концепции промышленных областей, специализированных экономических кластеров и инновационных сред. Центральная идея для моделей второго типа – это идея «обучающейся экономики», экономики, основанной на знаниях, где экономическая эффективность непосредственно связывается со способностью к обучению, соответственно, особое внимание уделяется созданию как самой инфраструктуры знания, так и социальной и политической инфраструктуры, которая должна обеспечивать поддержку инноваций и обучения на всех уровнях. К моделям второго типа относят концепцию «обучающегося региона». При этом сама концепция возникает как результат эволюции и определенного синтеза моделей первой группы [2], следовательно, анализ концепции «обучающегося региона», выявление проблемных моментов данной концепции предполагают рассмотрение концепции промышленных областей, экономических кластеров и инновационных сред, которые являются ее теоретическими источниками.

Теоретическую основу концепции промышленных областей составляет эволюционная экономическая модель Альфреда Маршалла, а именно его теория промышленной области и идея «промышленной атмосферы». Для Маршалла принципиальным является пространственное измерение промышленного развития (которое как раз и выразилось в понятии промышленной области) и социокультурной обусловленности экономических отношений в промышленных областях (которое концептуализировалось в понятии «промышленной атмосферы»). Понятие промышленной области Маршалла оформилось на основании эмпирических исследований конкретных форм производства, сложившихся в Англии в конце IX в. (производство текстиля и измерительных приборов в Шеффилде и Золингене) [3], отличительными признаками которых являются: во-первых, преобладание малых и средних предприятий как основных форм производства; во-вторых, высокий уровень специализации производства и разделения труда (как в конкретных

сегментах рынка, так и на отдельных этапах производства); в-третьих, производство небольших партий товара (ориентация на индивидуальные спецификации клиента, в отличие от массового производства). Такая «региональная» форма организации экономических отношений способствовала формированию системы постоянного обмена и взаимодействия не только между компаниями, но и между компаниями и поставщиками, компаниями и потребителями и привела к созданию специализированного регионального рынка труда. Пространственная агломерация специализированных поставщиков товаров и услуг формирует то, что Маршалл называет «промышленной атмосферой» (совокупность опыта, знаний, навыков, технологий, традиций и другие социально-культурные, институциональные факторы, влияющие на процесс производства). Неоспоримыми преимуществами пространственной агломерации и «промышленной атмосферы» являются, с точки зрения Маршалла, способность быстро адаптироваться к изменяющимся потребностям конечного потребителя и, как следствие, высокая конкурентоспособность таких предприятий на рынке. Промышленные области характеризуются высокой степенью интеграции всех экономических субъектов на уровне региона. Увеличение размера компании и объема производства ведет, как показали исследования Маршалла, к уменьшению уровня интеграции на уровне промышленной области. Возникновение массового производства и увеличение вертикальной интеграции привели к фундаментальным изменениям промышленных областей. В качестве современного примера промышленной области можно привести «третью Италию» (область на северо-западе Италии, объединяющая в единую сеть предприятия Генуи, Милана и Турина, характерно доминирование средних компаний, специализирующихся на производстве текстиля, одежды, мебели, керамики, обуви и т.п.) [4], экономический успех которой позволяет говорить об актуальности теоретической концепции Маршалла.

К существенным признакам «промышленной области», таким образом, можно отнести следующие: 1) географическая локализация социально-экономических процессов, «промышленная область» – это социально-экономическая единица, локализованная в определенных географических границах; 2) наличие эффективной региональной сети узкоспециализированных мелких и средних предприятий, действующих в одном и том же сегменте рынка; 3) готовность всех региональных субъектов действия к сотрудничеству и взаимному обмену информацией; 4) позитивная бизнес-динамика в регионе, которая выражается в создании новых предприятий; 5) наличие высококвалифицированной рабочей силы, готовой к сотрудничеству; 6) гибкая организация производства на уровне предприятия, открытость к инновациям; 7) наличие политических воли, т.е. местные органы власти, которые активно поддерживают процесс регионального развития; 8) наличие региональной идентичности и культуры, которая задает общий горизонт действия и способствует укреплению уровня доверия между региональными субъектами. Особые требования в контексте

промышленной области предъявляются и к предприятиям, которые должны быть не только укоренены в общей среде (региональной культуре), но и быть высокотехнологическими производствами, с высоким уровнем межпроизводственного разделения труда, прямо или косвенно ориентированными на один и тот же рынок, предлагать широкий ассортимент выпускаемой продукции для дифференцированных региональных рынков, быстро реагировать на конъюнктуру потребительского спроса. В конечном итоге «промышленные области» определяются как «локальные системы производства смежных отраслей, которые в результате идентичной ориентации на рынке и своей пространственной близости могут осуществлять общую экономическую политику, т.е. использовать преимущества локализации» [5. С. 189].

Концепция «промышленных областей» сталкивается с рядом проблем. Прежде всего это касается статуса самой концепции «промышленных областей». Что она собой представляет – теоретическую модель, позволяющую объяснять развитие регионов и влиять на региональную и инновационную политику (например, в целях содействия развитию региона), или просто эмпирическое описание наблюдаемых процессов развития в конкретных районах? Критики концепции «промышленных областей» в качестве претензии пеняют на дефицит эмпирических примеров и указывают на тот факт, что во всем мире существует незначительное количество производственных систем, в которых доминирующими являются малые предприятия (такие как, например, третья Италия). Кроме того, в исследовательской литературе представлена масса примеров регионов, позиционированных как промышленные районы, которые в действительности не соответствуют характеристикам промышленных областей. Концепция «промышленных областей» применима для объяснения преимущественно производства нишевых продуктов и соответственно определенных отраслей производства и связанных с ними районов (текстильная промышленность – третья Италия). С точки зрения формы организации производства «промышленные области» являются скорее исключением из правил [6]. Основная проблема концепции «промышленных областей» и, соответственно, главный пункт критики – это применимость (перенос) такого теоретического подхода к другим регионам. Существует целый ряд причин, не позволяющих переносить концепцию «промышленной области» на другие регионы: во-первых, в исследовательской литературе нет адекватного объяснения условий возникновения «промышленных областей», неясно, какие факторы являются определяющими для развития «промышленных областей», напротив, в каждом регионе имеем разные исходные условия, которые предстают как констелляция уникальных событий; во-вторых, отсутствие точного определения понятия локальной ориентации или региональной интеграции, являющегося конститутивным для определения понятия промышленных областей. Не совсем понятно, «промышленная область» как региональная система замкнута и имеет четко очерченные границы или это относительно открытая система с подвижными гра-

ницами. С одной стороны, промышленные области определяются как локальные системы с четкими географическими границами, собственно успех «промышленных областей» объясняется как результат внешней изоляции. Явный недостаток такого понимания «промышленной области» – отсутствие открытости, которая, в сущности, характеризует успешные и конкурентоспособные производственные системы, как следствие – риск стагнации производства и возможность структурного экономического кризиса в промышленных районах. С другой стороны, например, разделение труда, являющееся неотъемлемой характеристикой промышленной области, не ограничивается одной отраслью, а часто предполагает вовлечение широкого спектра различных отраслей, которые могут быть расположены за пределом региона, и, следовательно, предполагает понятие «промышленной области» как производственной системы, относительно замкнутой, с подвижными границами. Таким образом, критерии, предложенные концепцией «промышленных областей» для их идентификации, характеризуют известные конкретные примеры, но с большим трудом позволяют специфицировать ранее неизвестные регионы как «промышленные области».

Критика концепции «промышленных областей» инициировала дальнейшее развитие этой программы, привела к переосмыслению понятия промышленной области в концепции «технологической области» (М. Сторпер) и интерпретации промышленной области как обучающегося региона (Флорида). Основные тенденции развития современной глобальной экономики, по мнению Сторпера, – возрастающая специализация рынка производства и труда и непрерывные технологические изменения – предъявляют новые требования к форме организации производства. «Технологическая область» представлена им как форма организации процесса производства, отвечающая требованиям глобальной экономики, которая ориентирована на технологическое обучение (овладение инновациями и использование их в процессе производства), а формой организации как производства, так и обучения является сеть [7]. Ключевыми для Сторпера становятся понятия технологической инновации и сети, а программа «технологической области» содержательно тесно взаимосвязана с концепцией инновационных сред.

Концепция инновационных сред возникла в середине 80-х гг. прошлого века и связана с исследованиями школы GREMI (европейская группа по изучению инновационной среды), которая определяла среду, прежде всего, как пространственную форму производства. Данная концепция, в отличие от программы «промышленных областей», исходит из идеи инновации, которая интерпретируется как социальное действие. Социальная природа инновации – центральная идея данного подхода. Инновация – это интерактивный процесс обмена имплицитными и эксплицитными знаниями, информацией, в результате которого на рынок выводится новый продукт или улучшается процесс производства. Инновация рассматривается как результат коллективного динамического процесса обучения различных региональных субъектов, взаимодействие которых приводит к созданию социально-

культурной сети. Все это способствует региональной интеграции (созданию межотраслевых связей на уровне региона). Сеть, таким образом, выступает способом существования среды, сеть и среда в концепции «инновационных сред» тесно взаимосвязаны. Среда рассматривается как комплекс, включающий в себя в качестве составных элементов человеческий капитал, систему сложившихся взаимосвязей между субъектами, а также существующий общий культурный, психологический и политический фон. В этом отношении среда непосредственным образом влияет на инновационную деятельность, на ее качество и характер, а значит, инновационный процесс имеет явно выраженное локальное измерение, т.е. является географическим процессом.

Среда возникает в результате взаимодействия, а именно сотрудничества и взаимного обучения преимущественно малых и средних предприятий, рынка труда, политиков и различных социально-культурных учреждений и институтов образования. В инновационную она превращается в том случае, если взаимодействие между субъектами приводит к коллективным процессам обучения и возникновению нового знания и инноваций. Инновационная среда, с точки зрения Л. Шетцель, это «комплексная территориальная система формальных и неформальных сетей, в которых манифестируются системы экономических и технологических взаимосвязей, способная инициировать инновационные процессы» [3]. В качестве примера инновационной среды можно указать на технологический регион Аахен в Германии (высокий уровень развития научно-исследовательских институтов и учебных учреждений, Рейнско-Вестфальский технический институт как центр инноваций) и Бангладор в Индии (своеобразная «силиконовая долина» Индии как результат интеграции филиалов высокотехнологичных зарубежных компаний с местными университетами) [8]. Регион как социально-экономическое пространство имеет решающее значение для инноваций. Пространственная близость усиливает эффективность передачи эксплицитных и, что более важно, имплицитных знаний (навыков, различных ноу-хау), снижает уровень издержек при различного рода транзакциях, способствует укреплению социальных связей и уровня доверия между субъектами в регионе, что приводит к улучшению инвестиционного климата.

К существенным признакам «инновационной среды», таким образом, относят: локальность, т.е. инновационная среда – это локальная единица, имеющая четкие географические границы с однородным поведением интегрированных в нее субъектов действия; наличие сетей, т.е. системы взаимодействия между субъектами институализированные в виде формальных, неформальных и социальных сетей; общность цели, сотрудничество субъектов, интегрированные в среду, имеет своей целью развитие инноваций; динамичность знаний, т.е. образовательные процессы, которые расширяют и совершенствуют способности субъекта к инновациям; региональная идентичность, т.е. наличие консенсуса относительно целей экономической политики и путей развития, ценностей, образов будущего и т.п. Именно данные критерии высту-

пают основанием для идентификации региона в качестве инновационной среды.

Проблемы, которые возникают в рамках концепции «инновационных сред», во многом аналогичны проблемам, с которыми столкнулся подход «промышленных областей». Прежде всего, проблематичным является само определение понятия «инновационные среды», а именно предложенные в данном подходе критерии его идентификации. Критерии «инновационных сред» были сформулированы в результате анализа эмпирических исследований школы GREMI, которые не являются репрезентативными, поскольку они рассматривали только высокотехнологические и городские регионы. Это, соответственно, создает проблемы в случае аппликации этих критериев к эмпирическому опыту. Например, критерий локальности вызывает большие затруднения пространственной демаркации инновационной среды. Определить границы среды не всегда удается. Среда всегда локальна, ведь знания географически локализованы, но должна ли среда всегда быть ограничена регионом? Также возникает вопрос о соотношении различных сред, могут ли они, к примеру, накладываться друг на друга? Наличие слишком тесной системы социально-экономических, культурных и административных связей в рамках среды может иметь и негативные последствия. Вовлеченность в региональный контекст может привести к закрытости (эффект Lock-In) и изоляции среды, в то время как в долгосрочной перспективе в условиях экономики знания конкурентоспособность региона определяется способностью региональных субъектов интегрироваться в национальную или глобальную инновационную сеть, умением использовать внешний потенциал для развития инновационной региональной среды. Проблему составляют и квантификация неформальных контактов и их воздействия как на участников сети, так и на саму сеть. Эксплицитное знание, неформальные взаимодействия играют важную роль при конституировании инновационной среды и в то же время с трудом поддаются учету и регистрации.

Так же как и программе промышленных областей, концепции инновационных сред ставят на вид дефицит эмпирических примеров, лишь немногие регионы удовлетворяют описанию, предложенному в данной концепции, и имеют типичные характеристики инновационных сред. Дефицит компаративных исследований инновационных сред делает проблематичным не только прояснение самого феномена инновационной среды, но и определение общих условий их возникновения. Опыт инновационной среды, связанный с определенным географическим регионом, в силу своей уникальности (невозможность кодифицировать эксплицитное знание, неформальные связи) ограничивает возможность ее переноса на другие регионы. Программа инновационных сред в силу этого представляет собой не модель регионального развития, а скорее описание конкретной политики при уже существующей среде.

Концепция «обучающегося региона» возникла в середине 90-х гг. прошлого века на основе таких теоретических концепций региональных форм сотрудни-

чества, как промышленные области, технологические области и инновационные среды и сети. Центральная идея данного подхода – знание и способность к обучению – рассматривается как основной ресурс развития и источник экономического роста региона. Знание, его «способность аккумулироваться в едином социокультурном пространстве... становится главным механизмом агломерации, а обучающийся регион можно охарактеризовать как непрерывный процесс интеграции всех региональных подсистем и институтов на основе взаимного обучения» [2. С. 81]. Ориентация на распространение знания и обучение как фундаментальная характеристика обучающегося региона требует определенных условий для своей реализации. Регион – это, прежде всего, среда с соответствующей инфраструктурой, призванная поддерживать процессы обучения и распространения инноваций. Флорида в качестве необходимых условий, способствующих трансферу знаний, выделяет следующие типы инфраструктуры: производственная инфраструктура (связанные в единую сеть предприятия, производящие товары и услуги), обеспечивающая основанные на доверии отношения производителей, поставщиков и покупателей; рынок труда и социальная инфраструктура, которая обеспечивает предприятия высококвалифицированной рабочей силой, ориентированной на командное взаимодействие, содействует развитию обучения на протяжении всей жизни; материальная и коммуникационная инфраструктура (инфраструктура связи) обеспечивает электронный обмен данными и информацией, коммуникацию региональных субъектов действия друг с другом, своевременную доставку товаров и услуг, а также интеграцию в глобальные сети; финансовая инфраструктура – система распределения капитала, ориентированная на потребности наукоемких предприятий; экономическая система управления производством – писанные и неписанные правила, регулирующие отношения между различными региональными субъектами [9].

Различие между регионами определяется их инфраструктурой. Так, Флорида большое внимание уделяет анализу различия между обучающимся регионом и регионом с массовым производством. Критериями сравнения выступают инфраструктура, способ организации производства и основания конкурентоспособности. Обучающийся регион представляет собой систему производства, базирующуюся на знании, где источником конкурентного преимущества выступают производство и постоянное совершенствование знания, а система производства предполагает синтез инноваций и производства, в отличие от регионов с массовым производством где источником преимущества на рынке являются физический труд и природные ресурсы. Обучающийся регион предполагает не национально, а глобально ориентированную материальную и коммуникационную инфраструктуру, высокий уровень человеческого капитала, сетевую форму организации производства и управления. Наглядный пример дает Германия, где обучающиеся регионы объединены в рамках федеральной программы «Обучающийся город – содействие созданию сетей» и на сегодняшний день насчитывают более 72 регионов [10].

Субъектами обучающегося региона выступают наукоемкие компании из сферы производства и сферы услуг, институты технологической инфраструктуры, главные функции которых заключаются в обеспечении управления и развития знания, организации и поддержке процессов обучения, расширении взаимодействий между фирмами и обеспечении экспертизы. Реализация этих функций является необходимым условием создания и поддержки обучающихся регионов.

Главным предметом дискуссий в рамках данной концепции является аналитический статус самого понятия «обучающийся регион». Встает вопрос о субъекте обучения. Данное понятие предполагает, что уровнем анализа здесь выступает регион. Однако речь идет об экономической эффективности и способе производственной организации компаний, а не региона, происходит идентификация обучающегося региона с обучающимся предприятием, а это значит, что уровнем анализа в концепции выступают предприятия и различные организации, а отнюдь не регион. Регион понимается как среда, поддерживающая обучение и трансферт знаний, следовательно, речь идет не столько об обучающемся регионе, сколько о процессах обучения, которые инициируются на уровне региона и являются аналитическим фокусом данного понятия. Вызывает дискуссию вопрос о размерах обучающихся регионов. Насколько большим может или должен быть обучающийся регион? Должен ли он быть ограничен административными или географическими границами, исторически сложившимися культурными связями? Требуется ли лимитирование количества субъектов, вовлеченных в процесс обучения? Можем ли мы, допустим, говорить об обучающемся регионе, если только две или три компании осуществляют трансферт знаний и технологий, ведь не все компании в равной степени

интегрированы в процесс сетевого обучения и в равной степени извлекают из этого выгоду? Понятие «регион» не содержит по этому поводу никаких указаний. Неоднозначную оценку имеет и пространственная близость региональных субъектов. Наряду с неоспоримыми преимуществами (высокая интенсивность трансферта эксплицитных и имплицитных знаний в процессе обучения, создание общей базы знаний) она может стать и источником проблем. Во-первых, регионально обусловленные процессы обучения могут способствовать развитию замкнутости обучающегося сообщества и невосприимчивости к внешним источникам знания и информации. Во-вторых, пространственная близость не исключает значимость экзогенных факторов: компании, ориентированные на мировой рынок, чтобы иметь возможность адекватно реагировать и быстро адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, должны пользоваться всеми возможными источниками знания, в том числе внешними. Кроме того, в большинстве случаев компании имеют партнеров и за пределами своего региона, т.е. пользуются надрегиональными ресурсами знаний. Пожалуй, самый важный вопрос – возможность применения концепции обучающихся регионов на практике. Неоспоримым преимуществом данного подхода по отношению к рассмотренным выше концепциям является его открытость. Безусловно, не каждый регион удовлетворяет критериям обучающегося региона, но концепция «обучающихся регионов» является действенной стратегией инновационного регионального развития, которая может быть адаптирована к условиям каждого конкретного региона. Кроме того, подход может быть применен также на национальном уровне, как модель развития национальной экономики знания, целью которой является обучающееся сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krugman P., Venables A.J.* The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. MIT Press, 1999. 367 p.
2. *Найман Е.А.* Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 81–91.
3. *Schätzle L.* Wirtschaftsgeographie 1 – Theorie. Schöningh Verlag Paderborn, 2003. S. 230.
4. *Bathelt H.* Regionales Wachstum in vernetzten Strukturen: Konzeptioneller Überblick und kritische Bewertung des Phänomens «Drittes Italien» // Die Erde. 1998. Heft 129. S. 247–271.
5. *Koschatzky K.* Räumliche Aspekte im Innovationsprozess – Ein Beitrag zur neuen Wirtschafts-geographie aus Sicht der Innovationsforschung. LIT-Verlag Münster, 2001. S. 186–208.
6. *Bathelt H., Glücker J.* Wirtschaftsgeographie, Ökonomische Beziehungen in räumlicher Perspektive. (Economic Geography. Economic Relations in Spatial Perspective). 3rd, Completely Restructured Edition. Stuttgart : UTB-Ulmer, 2011. S. 240.
7. *Storper M.* The regional World: Territorial Development in Global Economy. N.Y. : The Guilford Press, 1997. 361 p.
8. *Fromhold-Eisebith M.* Das „kreative Milieu“ – nur theoretisches Konzept oder Instrument der Regionalentwicklung // Raumforschung und Raumordnung. 1999. Jg. 57, Heft 2/3. S. 168–175.
9. *Florida R.* Toward the Learning Region // Futures. 1995. № 27. P. 527–536.
10. *Hassink R.* Die Bedeutung der lernenden Region für die regionale Innovationsförderung // Geographische Zeitschrift. 1997. Jg. 85, Heft 2+3. S. 159–173.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 23 марта 2014 г.

DISCUSSION QUESTIONS OF THE CONCEPT "LEARNING REGION"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 69-74. DOI: 10.17223/15617793/387/11

Enns Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irmns609@yandex.ru

Keywords: knowledge society; learning region; economy of knowledge; educational process; philosophy of education.

Actualization of interest in problems of "learning region" in the contemporary socio-humanitarian discourse is associated with the transition from an industrial to a postindustrial information society. The main source and resource of development is no longer the industry as it used to be in the industrial age, but knowledge and innovation which have a decisive influence on all spheres of human life, which suggests the emergence of a new type of sociality, "knowledge society", and a new type of economy, "knowledge economy". Determining trends in the development of "knowledge societies" are, on the one hand, globalization expressed in the unification

of cultural, socio-economic, legal norms and values, market mobility of labor and capital, on the other hand, individualization which, on the contrary, suggests desire to preserve one's autonomy (economic, political, religious, etc.) and cultural identity, both at the individual and at the regional and national state levels. In this situation, the key theme is the question of regional development strategies that enable the region to effectively fit into the context of the global world and become a real subject of economic, political and cultural activities. This article analyzes the controversial questions of the concept "learning region". The concept of the "learning region" is thematised in the context of the "new economic geography" ("knowledge economy"), namely in the evolution of regional development strategies, such as industrial districts, economic clusters, innovative environment and networks. The article presents a comparative analysis and critique of these programs, their problem areas are identified. The models of innovative regional development allocated under the new economic geography are divided into two groups: models based on the idea of networks as a new form of organization of production, and models based on the idea of knowledge as a source resource of development. A constitutive idea for the model of the first type is the idea of proximity. Social and spatial proximity between actors promotes more intensive exchange of knowledge and appears a necessary condition for innovation processes. Models of the first type include concepts of industrial areas, specialized economic clusters and innovative environments. The central idea for models of the second type is the idea of "learning economy", knowledge-based economy, where economic efficiency is directly linked with the ability to learn, respectively, the emphasis is on building both the infrastructure of knowledge and social and political infrastructure that should support innovation and training at all levels. The second type of models includes the concept of the "learning region". At the same time this concept occurs as a result of evolution and certain synthesis of models of the first group.

REFERENCES

1. Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. MIT Press, 1999. 367 p.
2. Nyman E.A. Formation of the concept of "learning region" in western science *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2013, no. 1 (9), pp. 81-91. (In Russian).
3. Schätzel L. *Wirtschaftsgeographie 1 – Theorie*. Schöningh Verlag Paderborn, 2003.
4. Bathelt H. Regionales Wachstum in vernetzten Strukturen: Konzeptioneller Überblick und kritische Bewertung des Phänomens "Drittes Italien". *Die Erde*, 1998, Heft 129, pp. 247-271.
5. Koschatzky K. *Räumliche Aspekte im Innovationsprozess – Ein Beitrag zur neuen Wirtschafts-geographie aus Sicht der Innovationsforschung*. LIT-Verlag Münster, 2001, pp. 186-208.
6. Bathelt H., Glücker J. *Wirtschaftsgeographie, Ökonomische Beziehungen in räumlicher Perspektive*. (Economic Geography. Economic Relations in Spatial Perspective). 3rd, Completely Restructured Edition. Stuttgart: UTB-Ulmert, 2011.
7. Storper M. *The regional World: Territorial Development in Global Economy*. New York: The Guilford Press, 1997. 361 p.
8. Fromhold-Eisebith M. Das "kreative Milieu" – nur theoretisches Konzept oder Instrument der Regionalentwicklung. *Raumforschung und Raumordnung*, 1999, Jg. 57, Heft 2/3, pp. 168-175.
9. Florida R. Toward the Learning Region. *Futures*, 1995, no. 27, pp. 527-536.
10. Hassink R. Die Bedeutung der lernenden Region für die regionale Innovationsförderung. *Geographische Zeitschrift*, 1997, Jg. 85, Heft 2+3, pp. 159-173.

Received: 23 March 2014